

Е.Н. ДОКУНОВА

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Анализируется деятельность нацистского руководства по использованию труда советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944). Рассматриваются основные законодательные документы, взаимоотношения работодателя с руководством лагеря, практика поощрений и наказаний.

The article analyzes the policy of Nazi leadership in the use of labor of Soviet prisoners on the occupied territory of Belarus (1941–1944). The main legislative documents, the relationship of the employer with the management of the camp, the practice of rewards and punishments are considered.

Любая война – это война ресурсов: сырьевых, технологических, людских. Понимая это, участники конфликтов стремятся обеспечить восполнение ресурсов, и в первую очередь людских. Наиболее ярко это проявилось в Великой Отечественной войне, когда нацистское руководство активно использовало труд не только восточных рабочих (остарбайтеров), но и военнопленных. В литературе, посвященной теме советских военнопленных на территории Беларуси (1941–1944), в первую очередь затрагиваются такие проблемы, как правовой статус военнопленных, условия содержания и режим в нацистских лагерях (М.Я. Савоняко¹, В.Д. Селеменев², Р.А. Черноглазов³ и др.). Вопрос об использовании труда советских военнопленных остается неисследованным.

Цель данной работы – показать механизм использования труда советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944).

Согласно приказу Кейтеля от 08.06.1941 г. труд советских военнопленных допустимо было

использовать в оперативной зоне – путем формирования рабочих команд для обеспечения в опорных пунктах снабжения, строительства дорог и мостов и др., а также в районах военного подчинения, где их труд применялся в промышленности и в сельском хозяйстве⁴.

Военнопленные в терминах международного права – это лица из состава вооруженных сил воюющего государства, захваченные другим воюющим государством и находящиеся в его власти⁵.

Вопросы, регламентировавшие использование труда советских военнопленных, их взаимоотношения с заказчиками рабочей силы, функции охраны, нормы питания для работающих военнопленных, находили свое отражение в таких документах, как Указания по использованию русских военнопленных (08.06.1941 г.), памятка об охране военнопленных (08.09.1941 г.), памятка по труду «Повышение производительности труда всех военнопленных в промышленном хозяйст-

ве» (01.07.1942 г.), приказ начальника по делам военнопленных при верховном командовании вооруженных сил Германии об обращении с военнопленными (26.10.1943 г.), инструкция «О жизни и поведении военнопленных». Согласно памятке по труду руководители предприятий должны были использовать труд военнопленных так, как это требовали интересы предприятия. Рабочая сила каждого военнопленного должна была быть использована в полную меру. Нельзя было допускать, чтобы военнопленные выполняли какие-либо работы частично или занимались второстепенной по значению работой. Руководители предприятий и их уполномоченные должны были действовать в тесном сотрудничестве с военными командными учреждениями при разработке мер по повышению производительности труда военнопленных, тесное сотрудничество необходимо было и при мерах наказания. Нарушения военнопленными рабочей дисциплины и их низкая производительность труда не должны были замалчиваться. Об этом сразу сообщалось карательному составу, который наказывал виновных⁶.

Тех, кто был слаб и не мог работать, избивали палками, травили собаками, а совершенно обессилевших расстреливали. Так, в лагере в Волковыске военнопленных, которые не могли и не хотели работать, собирали отдельно в штрафные команды и после окончания рабочего дня еще 2 часа заставляли рыть землю. Генрих Гегман, который был охранником лагеря с августа 1941 по март 1942 г., признался на допросах, что он неоднократно выводил штрафную команду на эту работу и заставлял пленных работать, в то время как они падали с ног от усталости и голода⁷. В шталаге 352 (Масюковщина) нацистское руководство сделало несколько камер-клеток размером два на полтора метра, в них на высоте 130 см была натянута колючая проволока. Находящийся в клетке человек не мог стоять и потому заходил в нее на четвереньках. Пол был цементный. На узника шел снег и дождь. Загоняли в эту клетку на 3–5 дней. Не выдержав мучений, люди умирали⁸.

Несмотря на суровые предписания нацистского руководства, тяжелые условия труда, многие из военнопленных старались попасть в рабочие команды. По инструкции «О жизни и поведении военнопленных» под понятием «рабочая команда военнопленных» понималось откомандирование их из стационарного лагеря (шталага или офлага) или пересыльного лагеря (дулага) на работы и места жительства вне лагеря⁹. Это позволяло военнопленным получить большой продуктовый паек и, как следствие, возможность продлить себе жизнь, установить контакты с гражданским населением, с помощью которого осуществить побег из лагеря. По воспоминаниям бывшего военнопленного шталага 337 (Барано-

вичи) М.А. Жилина, «быть в лагерной рабочей команде – значит получать почти в три раза больше баланды, и хотя не будешь сыт, но и не протянешь ноги с голода...»¹⁰.

Анализируя архивные документы и воспоминания бывших советских военнопленных, можно говорить о том, что чаще всего военнопленным удавалось осуществить побег из рабочих лагерей, например с мест работы, особенно с лесо- и торфоразработок или этапировки к рабочему месту. Одним удавалось сбежать, другим – нет. Побег военнопленных вынуждали нацистское руководство принимать соответствующие меры по улучшению охраны военнопленных в рабочих лагерях. Охрана военнопленных в лагере, в рабочих командах вне лагеря должна была составлять на 10 военнопленных – 1 немецкий охранник¹¹. Охранники на посту должны были стоять всегда с заряженной винтовкой, ходить возле всего здания, в котором располагались военнопленные, и наблюдать за входом и выходом, перед отправкой на работу и по прибытии пересчитывать военнопленных. Запрещалось передвижение колонн военнопленных с лопатами, мотыгами, топорами и прочими инструментами, которые могли быть использованы в качестве оружия. Инструменты оставались на рабочем месте. На местах работы военнопленных постовые должны были быть расставлены таким образом, чтобы у них была возможность просматривать все поле работы, если не хватало охранников, то привлекали вспомогательные караульные подразделения. Гражданским лицам запрещали приближаться к военнопленным, если они не подчинялись приказанию охранников, их арестовывали и передавали ближайшему полицейскому ведомству. При попытке побега военнопленных охрана сразу же их расстреливала¹². В случае удавшегося побега сразу начиналась розыскная операция. Постовой должен был уведомить о случившемся караул. Все освободившиеся охранники должны были принимать участие в розыскных мероприятиях. Факт побега сообщался соответствующему лагерю (дулагу, шталагу, офлагу), полевой полиции и жандармерии. В случае успешного побега наказанию подвергался весь лагерь, военнопленным назначалась более сложная работа, они также на 4 недели лишались дополнительных продуктов питания и табачных изделий¹³.

В соответствии с инструкцией «О жизни и поведении военнопленных» заказчики рабочей силы подавали запросы на рабочую силу лагерю. Как правило, в лагере существовал производственный отдел, который занимался использованием военнопленных на работах в лагере и за его пределами. Этот отдел отвечал за ведение учета заявок предприятий на рабочую силу, заключал договора с ними, распределял военнопленных на принудительные работы и представ-

лял отчетность об использовании пленных. Согласно договору заказчик должен был брать на себя ответственность за содержание военнопленных: питание, медицинское обслуживание, охрану, а также поддерживать связь с лагерем и вести отчетность о выполняемой военнопленными работе. Начальник рабочей команды перед отправкой в рабочий лагерь принимал в стационарном лагере выделенных ему военнопленных на основании списка, в котором отражены были не только их фамилии, но и место рождения, личные номера военнопленных стационарного лагеря. Номера облегчали переключку на проверках. Отбор военнопленных осуществлялся сначала по специальностям на основе личной картотеки. Комендант лагеря перед передачей рабочей команды заключал с заказчиком трудовое соглашение. Военнопленных перед отправкой в рабочие команды разбивали по ротам и отделениям. Командирами рот назначались пожилые, непригодные к фронту опытные немецкие унтер-офицеры. Командирами отделений становились лица из военнопленных. Рабочая команда находилась в подчинении коменданта лагеря¹⁴.

Основными заказчиками рабочей силы были: торфопредприятия Плиса, Седча, Дукора; заводы и фабрики; организация Тодта (ОТ – организация Тодта, так именуется по имени ее создателя Фрица Тодта. Занималась общим строительством, в особенности шоссейных дорог и железнодорожных линий); главная железнодорожная дирекция; частные фирмы. Войсковые службы создавали и отделения лагерей военнопленных на местах работ (Nebenlager), что позволяло, согласно директиве главного командования вермахта от 5 декабря 1941 г. «О политике по отношению к военнопленным» на имя Главной железнодорожной дирекции города Минска, избежать затруднительной ежедневной рассортировки и длительных переходов, т. е. более продуктивно использовать военнопленных. Также лагеря создавались на железнодорожных станциях, где размещались рабочие команды военнопленных для ремонта железнодорожных путей, очистки их в зимнее время, погрузочно-разгрузочных работ и др. Всего железнодорожная дирекция содержала 95 отделений лагерей военнопленных на железнодорожных станциях: в Молодечно находилось 100 чел. военнопленных, в Ошмянах – 150, в Радошковичах – 200, в Ратомке – 150 чел. По нашим подсчетам, общее количество военнопленных, содержащихся в лагерях на станциях, составляло более 2250 чел.¹⁵

Руководители фабрик и заводов заполняли специальные бланки, в которых фиксировалась информация о деятельности военнопленных, о их наличии на том или ином предприятии. В данные формуляры вносился перечень фабрик и заводов, где трудились военнопленные, их общее количество, помещение, в котором работали, род деятельности.

На основе архивных документов можно проследить сведения о военнопленных, работавших на заводах и предприятиях г. Борисова, на 01.04.1943 г. Так, их использовали в городской управе, на фабриках по изготовлению пианино, стекла, военной типографии, в войлочной мастерской. Всего были задействованы 61 чел.¹⁶ Руководители организации Тодта также должны были сдавать рапорт об использовании труда военнопленных за месяц, на первое число каждого месяца. В данном отчете указывалось общее количество военнопленных, прибытие и потери (умершие, сбежавшие, переведенные) за последний месяц, их занятость, количество военнопленных, которые готовы были к сотрудничеству, задействованы в обслуживании воинских частей, в строительстве дорог, мостов, улиц, в промышленном производстве и в сельском хозяйстве, в строительстве, эксплуатации и техническом обслуживании железных дорог¹⁷.

Труд советских военнопленных использовали на разнообразных работах в лагерях и вне лагерей в составе рабочих команд: на строительстве укреплений и на разминировании, на железных дорогах, в мастерских по ремонту военной техники, на предприятиях военного производства. Внутрелагерными считались работы по строительству лагеря, портняжные, сапожные и другие работы по обслуживанию администрации и охраны лагеря. Так, многих военнопленных использовали по разминированию минского аэродрома, в результате из 200 чел. более 50 подорвались на минах¹⁸. В Минске военнопленные шталага 352 работали на 22 крупных объектах: на авиационном, авторемонтном, паровозоремонтном заводах, на аэродроме, в оружейных мастерских, на электростанциях, складах.

С целью повышения производительности труда военнопленных предприниматели пытались повысить их работоспособность с помощью «позитивной» стимуляции. Нацистским руководством использовалась практика выдачи табачной продукции, так называемых махорочных сигарет и табака, кофе и чая, увеличения норм питания. Согласно распоряжению Рейхсминистерства по занятым восточным областям от 17.11.1942 г. «О поощрении советских военнопленных табачными изделиями за особо усердную работу» в качестве поощрения особо прилежным советским военнопленным выдавалось до 40 шт. сигарет (махорки) на человека в месяц. Существовали определенные предписания по поощрению. Выдача сигарет должна была проходить днем и не превышать 2 шт. в день и 40 – в месяц, если производительность труда военнопленных падала, поощрение табачной продукцией прекращалось¹⁹.

Вторым способом мотивирования военнопленных, как уже было обозначено, являлась прибавка к питанию. Так, железная дорога в Могилеве 28.03.1943 г. сообщала, что 47 военно-

пленных шталага 341 (Могилев) строили мост через р. Днепр. За сложный труд они за 7 дней получили надбавку к основному питанию: картофель – 310,5 кг, соль – 13,5 кг, мясо – 13 кг, свекла – 46 кг, хлеб – 81 шт., продукты зерновых и бобовых – 6,75 кг, сахар – 25 кг, жир – 27 кг, капуста – 27 кг, чай – 0,65 кг, помидоры – 10,8 кг, мука – 6,5 кг²⁰.

Вместе с тем, несмотря на то, что использовалась практика поощрения военнопленных, говорить о системном ее применении во всех рабочих лагерях не приходится. Нормы питания были настолько малы, что многие военнопленные от непосильной работы умирали. Для подтверждения данного тезиса в качестве примера можно привести нормы питания военнопленных шталага 352 (Масюковщина). Так, согласно приказу № 38 комендатуры шталага 352, с 15.12.1941 г. устанавливались нормы для военнопленных на 7 дней: крупа – 490 г, мука – 490 г, картофель – 8400 г, хлеб – 2240 г, чай – 4 г, сахар – 21 г, соль – 70 г, мясо – 245 г, жир – 10 г. Занятые на тяжелых работах военнопленные получали дополнительно к указанной норме 910 г хлеба²¹. Тем не менее необходимо отметить, что приведенные нормы питания на практике не соблюдались. Бывший военнопленный, партизан бригады «Неуловимые» Михаил Скрыбин вспоминал: «Немцы широко использовали труд военнопленных. Узники восстанавливали мосты, разгружали вагоны, заготовливали лес, ремонтировали дороги... Кормили военнопленных баландой из гнилой, неочищенной картошки или из нелущеной гречки два раза в день, один раз – кусочек хлеба из ржаных отрубей...»²² Для военнопленных был изготовлен специальный хлеб, который состоял из 50 % ржаной муки грубого помола, 20 % отжимок сахарной свеклы, 20 % целлюлозной муки и 10 % муки из соломы или листьев²³. Отсюда понятно, почему в отчете командующего тылом группы армии «Центр» за март 1942 г. о деятельности лагерей военнопленных на территории отмечалось, что требования на рабочую силу смогли удовлетворить только на 60 %²⁴.

Таким образом, советским военнопленным на оккупированной территории Беларуси приходилось работать на строительстве дорог, каналов, мостов, на торфоразработках и погрузочно-раз-

грузочных работах. Трудовые соглашения оформлялись между шталагом и работодателем, а не между пленным и работодателем. Военнопленные были источником дешевой рабочей силы и рабского труда, подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

¹ См.: Саваньяка М. Я. Правовые основы ваеннага палону напярэдадні і ў гады Другой сусветнай вайны // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 84–86.

² См.: Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Мн., 2004.

³ См.: Черноглазова Р. А. Масюковщина: Шталаг 352. 1941–1944: Документы и материалы. Мн., 2005.

⁴ См.: Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 59.

⁵ См.: Словарь международного права / М. М. Аваков и др. М., 1982. С. 20.

⁶ См.: Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 918. Л. 175.

⁷ См.: НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 680. Л. 3.

⁸ См.: Михайлов М. М. Нельзя простить. Мн., 1978. С. 42–43.

⁹ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 914. Л. 75–104.

¹⁰ В фашистской неволе. Лагерь военнопленных 337. Воспоминания Жилина М. А. / Барановичский краеведческий музей. Инв. № 1976.

¹¹ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 918. Л. 146.

¹² См.: НАРБ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 144. Л. 2–2 об.

¹³ См.: НАРБ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 144. Л. 3–3 об.

¹⁴ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 914. Л. 75–104.

¹⁵ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 957. Л. 322.

¹⁶ См.: Государственный архив Минской области. Ф. 622. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

¹⁷ См.: НАРБ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.

¹⁸ См.: НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 960. Л. 25.

¹⁹ См.: НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 930. Л. 1.

²⁰ См.: НАРБ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 670. Л. 12.

²¹ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 918. Л. 38.

²² Трапезникова Л. Возвращаем долги наши // Беларускі час. 2010. 24–30 сент. С. 21.

²³ См.: Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Г. Ф. Заставенко и др. М., 1985. С. 142.

²⁴ См.: НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1032. Л. 142.

Поступила в редакцию 01.12.10.

Елена Николаевна Докунова – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени В. К. Коршук.